

Русская теория бумажных денег и немецкий номинализм

Владимир БУРЛАЧКОВ

Доктор экономических наук,
профессор Финансовой академии
при Правительстве
Российской Федерации

Как ни парадоксально, но именно во второй половине XIX в. в период “триумфального шествия золотого стандарта” в денежной теории стало активно развиваться антиметаллистское направление. В России его представляли Н.Я. Данилевский, А.А. Красильников, Н.А. Шавров, С.Ф. Шарпов, А.П. Шипов; в Германии — И. Родбертус-Ягцецов, Г. Кнапп,

О. Гейн, Ф. Бендиксен; в Швеции — К. Виксель. Взгляды этих авторов существенно различались. Но их объединяло одно — они допускали возможность существования устойчивой системы неразменных на благородный металл денежных знаков. Эти воззрения — своеобразный синтез всех направлений учения о деньгах, в том числе количественной теории и доктрины реальных векселей. Они основывались не только на теоретических изысканиях, но и на практических наблюдениях.

В России о возможности устойчивой бумажно-денежной системы писал Н.М. Карамзин. Впоследствии эти взгляды получили достаточно широкое распространение. Немецкий номинализм, как теория бумажной валюты с законодательно устанавливаемой покупательной силой, возник в первом десятилетии XX в. Стимулом к его развитию послужила необходимость теоретического осмысления денежной системы Австрии. В этой стране с 1866 г. обращались неразменные банкноты. В 1892 г. австрийское правительство в результате займа смогло мобилизовать такое количество золота, которого вполне хватило бы для введения обратимой валюты. Новая денежная единица с законодательно установленным золотым содержанием — крона — была введена в обращение и заменила старый денежный знак — серебряный гульден. Но размен кроны на золото так и не был осуществлен. Запас благородного металла Австрийского банка был использован на поддержание вексельного курса. В этих целях банк постоянно осуществлял операции с иностранными

векселями. При умеренных колебаниях платежного баланса такая система поддержки курса кроны функционировала успешно [1, 93]. Хотя австрийская крона не разменивалась на золото, ее эмиссия жестко контролировалась.

В России разработчики теории бумажных денег стремились осмыслить опыт длительного существования в нашей стране системы неразменных на благородный металл денежных знаков и выявить основные закономерности ее функционирования. Позднее им пришлось анализировать последствия введения золотого монометаллизма.

Спор между метал리스트ами и антиметаллистами концентрировался не только на чисто денежных вопросах, но и охватывал весь комплекс экономических проблем России. Для понимания его сути следует напомнить некоторые особенности хозяйственного развития страны в тот период.

Основу российского экспорта во второй половине XIX в. составляло зерно. Именно в данный период на мировой зерновой рынок вышли мощные конкуренты — США и Аргентина. В этот же период, после перехода ряда стран, в частности Германии, к системе золотого монометаллизма, проявилось резкое обесценение серебра.

Постепенное снижение курса кредитного рубля прежде всего вследствие неблагоприятного платежного баланса позволяло в течение 80-х — начала 90-х годов XIX в. стимулировать хлебный экспорт. Надо отметить, что к увеличению вывоза хлеба из России отрицательно относился такой авторитет не только в области хи-

* Печатается по монографии “Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России”. — М.; Эдиториал УРСС, 2003. — 352 с.

мии, но и экономической науки, как Д.И. Менделеев [2, 126]. Дело в том, что внутреннее потребление хлеба в самой России было значительно ниже, чем в тех странах, куда хлеб вывозился. Министр финансов И.А. Вышнеградский ничуть не утрировал, когда говорил: “Не доедим, но вывезем” [3, 61]. К этому времени Россия уже имела большую внешнюю задолженность, а реализация плана введения золотой валюты требовала привлечения новых займов.

Понятно, что повышение вексельного курса рубля снизило бы хлебный экспорт. Зато удешевился бы импорт оборудования для строящихся железных дорог.

Металлисты и сторонники бумажных денег сходились во мнении о необходимости устойчивого денежного обращения. Последние шли несколько дальше своих оппонентов, говоря об эластичности денежной массы и связывая ее колебания с динамикой производства.

Главные тезисы металлистов гласили: 1) бумажная валюта неустойчива — курс рубля и его масса в обращении постоянно колеблются; 2) в условиях бумажной валюты не может быть обеспечен доступ к зарубежным займам и притоку иностранного капитала в страну; 3) единственный способ регулирования количества денег в обращении — разменность бумажной валюты на золото.

Основные тезисы сторонников бумажных денег состояли в следующем: 1) ценность благородных металлов, в том числе золота, колеблется, следовательно, золотые деньги не обеспечивают устойчивое обращение; 2) из-за недостатка золота в России размен рубля на металл возможен лишь при получении дорогих иностранных займов; 3) государственное регулирование может обеспечить устойчивость бумажной валюты.

И металлисты, и сторонники бумажных денег опирались на анализ хозяйственной практики, хотя и делали из этого анализа разные выводы. В частности, первые традиционно утверждали, что масса кредитных рублей превышает потребности оборота и вызывает падение курса. Но умеренный или, точнее сказать, вдумчивый металлист П.П. Мигулин по этому поводу писал: “Россия постоянно зани-

мала едва ли не последнее место в Европе среди даже самых бедных государств относительно количества денежных знаков на душу населения, например, Испании, Греции, Португалии, не говоря уже о государствах более богатых... Следовательно, невозможно говорить о чрезмерности выпусков наших кредитных билетов [4, 21]. Значительная эмиссия кредитных билетов имела место в условиях войн (1853—1856 гг. и 1877—1878 гг.), но после их окончания правительство принимало меры к изъятию лишних бумажных денег из обращения.

В 1853—1857 гг. количество кредитных билетов возросло с 311 млн. руб. до 735 млн. руб. [5; ч. II; 13]. Справочные цены в Санкт-Петербурге на основные предметы торговли увеличились в 1852—1860 гг. на 33 % [5; ч. II; 25]. В целом по стране рост цен на конкретные товары был больше и существенно колебался по регионам. В 1858—1859 гг. из обращения было изъято 90,7 млн. руб. [4, 20]. Дальнейшее изъятие было прекращено из-за начавшегося экономического кризиса.

С 1877 по 1879 г. количество кредитных билетов в обращении возросло с 790,0 млн руб. до 1188,7 млн. руб. [3, 25]. Рост цен составил 25 % [3, 25]. В 1879—1880 гг. было изъято из обращения кредитных билетов на 54,6 млн. руб., а в 1883—1885 гг. — еще на 87,1 млн. руб. [3, 38].

Характерно, что такое снижение денежной массы привело к дефляции. Поэтому с 1886 г. изъятие бумажных денег из обращения было прекращено [3, 38]. Дефляция 1881—1885 гг. вызвала падение производства. В частности, продукция машиностроения сократилась на 31 %, кожевенной — на 30 %, прядильной — на 26 % [3, 39].

Вот как отреагировал на прекращение изъятия русских кредитных билетов из обращения и стабилизацию денежной массы французский “Journal des economistes” от 1886 г.: “Люди теории и крайние практики, задолжавшиеся помещики, фабриканты, более огражденные от иностранной конкуренции, чем от собственного банкротства, должники, чающие падения бумажного рубля, чтобы подешевле рассчитаться

со своими кредиторами, патриоты, жаждущие доказать, что то, что считается истиной на западе, является ложью в славянских землях, революционеры, ожидающие избытка блага от избытка зла, непонятые государственные люди, чиновники, вознаграждаемые своими доверителями, словом, целый мир жадности, тупости и невежества вращается вокруг этих уже имеющихся и ожидаемых миллионов, заранее разделив между собой богатую добычу банка” [цит. по: 3, 137]. Какая знакомая интонация доносится из XIX в., какой испытанный временем набор аргументов! К чему бы это? Объяснение истинной причины негодования содержится в той же статье: “Исполнение обязательства постоянно повторяемого банком в 1877—1880 гг. и подтвержденного 1 января 1881 г., принесло бы двойную выгоду, направив Россию к улучшению своего денежного обращения и добавив ей возможность получить на выгодных условиях капиталы, которые необходимость заставит ее занимать” [цит. по: 3, 137]. Добавим от себя — получить капиталы, по которым пришлось бы платить немалый процент. Вот, оказывается, в чем дело: заставить занимать!

С теоретической точки зрения очень интересен сам факт дефляции начала 80-х годов XIX в. Он свидетельствует о возможности управления бумажно-денежной массой.

Хотя нет оснований говорить об устойчивом переполнении каналов обращения избыточной денежной массой, тем не менее, фактом являлась нестабильность курса рубля к основным европейским валютам. С 1851 г. по 1878 г. курс кредитного рубля упал на 35 %, а с 1878 г. по 1894 г. поднялся на 6 % [3, 217]. Курс сильно снижался в 1887 г., но устойчиво повышался в 1888—1890 гг.

Операции на открытом рынке по поддержке курса рубля, начавшиеся в России в 1845 г., активно осуществлялись в 70-е годы XIX в. [6, 617]. Особенно широко их использовал И.А. Вышнеградский, снижая курс в период вывозной хлебной компании (т.е. осенью) и повышая в моменты, когда платежи за границу проводили казначейство и основные импортеры [4, 20].

Сезонный характер российской экспорта превращал рубль в удобный объект для спекуляций. Поэтому российская валюта находилась под сильным влиянием рыночной конъюнктуры. При особенно активных спекуляциях ежегодные колебания курса рубля доходили до 36% [3, 217]. В целях прекращения спекуляций против рубля С.Ю. Витте провел в 1894 г. контригру на Берлинской бирже. В противовес спекулянтам, игравшим на понижение курса рубля, доверенными лицами русского правительства были заключены срочные контракты на повышение рубля. Одновременно принимались меры по прекращению вывоза наличных кредитных рублей из России. Это не позволило спекулянтам Берлинской биржи выполнить срочные контракты поставкой наличных рублей.

Из-за опасения новых контрмер русского правительства игра против рубля больше не возобновлялась. Колебания рубля в 1894—1895 гг., т.е. до введения золотого обращения, не превышали 2% в год [3, 217]. Этот факт, как и дефляция 80-х годов XIX в., был очень важен для теоретического понимания методов контроля за бумажно-денежной массой.

В 1893 г. в России начался экономический подъем. Расширение объема сделок и рост доходов увеличили спрос на деньги. В 1895 г. в стране проявилась нехватка платежных средств — кредитных билетов. К этому времени правительство за счет стимулирования экспорта, внутреннего производства благородных металлов и иностранных займов накопило большой золотой запас. Казначейская наличность состояла из золота и серебра, а кредитных билетов для текущих платежей не хватало [4, 52].

Перед правительством возникла дилемма: либо начать выпуск кредитных билетов, либо ввести золотое обращение. Из-за неразработанности вопросов регулирования бумажно-денежного обращения новый выпуск кредитных рублей имел плохо предсказуемые перспективы. Последствия введения золотого обращения были, наоборот, относительно ясны. Но первая альтернатива, сулившая возможность использовать накопленный запас благородных металлов для погашения внешней за-

долженности и внутренних инвестиций, на правительственном уровне не рассматривалась.

Попытка введения золотого монетализма в России была предпринята И.А. Вышнеградским в 1888 г. Но проект был отклонен. Та же судьба постигла в 1895 г. план С.Ю. Витте. И тогда С.Ю. Витте провел в 1897—1898 гг. несколько, на первый взгляд, чисто технических решений, которые в итоге привели к фактическому введению золотой валюты.

Кредитный рубль хотя и не заменивался на металл, но имел законодательно установленное содержание — 4 золотника и 21 долю чистого серебра. К началу 90-х

данных руб. 50 коп. При определении курса золотой монеты были учтены ее биржевые котировки, а также вексельный (т.е. иностранный) курс кредитного рубля. Последний отражал котировку рубля к европейским валютам. Таким образом, 1 золотой рубль был приравнен к 1,5 кредитного рубля (15 кредитных: 10 золотых = 1, 5).

Часть экономистов считала это девальвацией, часть — ревальвацией. Последние аргументировали свою точку зрения тем, что рубль с 1 июля 1839 г. имел законодательно установленное содержание в 4 золотника и 21 долю серебра. Но к 1895 г. серебро подешевело по отношению к золоту

Главные тезисы металлистов гласили:

- 1) бумажная валюта неустойчива — курс рубля и его масса в обращении постоянно колеблются;*
- 2) в условиях бумажной валюты не может быть обеспечен доступ к зарубежным займам и притоку иностранного капитала в страну;*
- 3) единственный способ регулирования количества денег в обращении — разменность бумажной валюты на золото.*

годов XIX в. серебро так обесценилось, что в 1893 г. серебряный рубль стал котироваться ниже кредитного рубля и фактически вышел из обращения. Получалось, что серебро, как денежный товар, не выполняло функцию меры стоимости.

Надо отметить, что золото к 1895 г. не окончательно утратило в России связь с денежным обращением. Платежи золотой монетой по курсу кредитного рубля по действовавшему законодательству прямо не запрещались [3, 101]. Сделки в золотой валюте разрешались, но только в письменной форме [3, 101]. Таможенные платежи должны были уплачиваться только золотом. Русские купцы покупали его у населения, правительства и золотопромышленников [4, 47—48].

В ходе денежной реформы С.Ю. Витте курс золотой монеты — империяла (10 руб.) и полуимперияла (5 руб.) чеканки 1885 г. — был установлен в размере, соответственно, в 15 кредитных рублей и 7 кре-

почти в 2,5 раза. Соответственно, установление высокого золотого содержания рубля в 17,424 доли золота означало удорожание российской валюты. Надо сказать, что при определении золотого паритета рубля взамен серебряного С.Ю. Витте и его сотрудники выбрали самый простой путь — закрепили курс почти на рыночном уровне.

Но с теоретической точки зрения, бесспорно, что не золото, как новый для России монетарный металл, стало определять пропорции обмена и масштаб цен. Просто кредитный рубль, как фактический масштаб цен, был снабжен новым, теперь золотым паритетом. Аналогичным образом в 1892 г. был определен золотой паритет австрийской кроны, введенной в обращение вместо серебряного гульдена [1, 92]. Все это указывало на то, что функцию меры стоимости способны выполнять бумажные деньги.

Разрешение в мае 1895 г. сделок на золотую монету стало пер-

вым, но основным этапом денежной реформы. На втором этапе высочайшим указом от 8 августа 1896 г. был законодательно утвержден сложившийся курс золотой монеты — 7 руб. 50 коп. за полумпериал.

На третьем этапе в соответствии с высочайшим указом от 3 января 1897 г. началась чеканка золотых монет — 7,5 и 15 руб. Уже в 1899 г. чеканка этих монет была прекращена. Их место заняли монеты номиналом в 5 и 10 руб., но с весом чистого золота на 1/3 меньше, чем у монет в 7,5 и 15 руб.

На четвертом этапе реформы высочайшим указом от 29 августа 1897 г. были установлены правила эмиссии кредитных билетов и их размена на золото. Выпуск кредитных билетов должен был покрываться золотом на 50% и не превышать 600 млн. руб.

На пятом этапе реформы 7 июня 1899 г. был принят новый Монетный устав, провозгласивший установление в России системы золотого монометаллизма.

Установленный в 1896 г. курс на золотую монету в размере 7,5 кредитного рубля население восприняло как завышенный. В печати того времени упоминалось много случаев отказа принимать в оплату золотые монеты [3, 105—106].

Итак, подготовка к введению золотой валюты потребовала: 1) стимулирования экспорта хлеба в течение почти 20 лет в условиях его недостаточного потребления в самой России; 2) огромных внешних золотых займов, средства которых, во-первых, концентрировались в Государственном банке и не могли использоваться производителем; во-вторых, отягощали бюджет выплатой процентов.

Золотой монометаллизм существовал в России с 1897 г. по 1914 г., т.е. 18 лет. В период его введения уже отчетливо проявилась тенденция к свертыванию металлического обращения. В частности, в США для обеспечения выпуска банкнот использовались правительственные ценные бумаги, а в Германии эмитировались мелкие банкноты для замены в обращении золотых монет.

Ограниченные запасы золота и жесткие требования к золотому покрытию кредитных билетов заставили Государственный банк

проводить дефляционную политику. Это привело к снижению цен, в частности, на продукцию сельского хозяйства, а также к падению уровня заработной платы. В то же время высокий курс золотого рубля затруднил экспорт и открыл рынок для импортных товаров.

Основной критерий в оценке реформы 1897—1899 гг. (а точнее 1895—1899 гг.) — затраты на ее проведение. За 17 лет, предшествовавших реформе, Россия увеличила свой золотой запас с 291,1 млн. руб. в 1881 г. до 814 млн. руб. в 1897 г. [3, 75]. Этот запас составляли в основном иностранные займы. В 1881—1897 гг. было получено государственных займов в общем объеме на 1050 млн. руб. Импорт частного капитала за этот же период был равен 650 млн. руб. За 18 лет существования золотой валюты в России выплаты процентов и дивидендов составили 5000 млн. руб. [3, 195] и стали колоссальной нагрузкой на экономику. Эта статья расходов полностью поглотила актив торгового баланса и потребовала в 1898—1913 гг. 2000 млн. руб. государственных займов [3, 196].

Превышают ли плюсы от введения золотой валюты минусы этой политики?

На наш взгляд, в конце XIX в. Россия имела вариант альтернативной политики и могла использовать опыт австрийской реформы 1892 г. с введением денежной единицы с золотым содержанием, но неразменной на металл, и с поддержкой вексельного курса при помощи операций на валютном рынке.

Большой вклад в разработку денежной теории того периода внес видным русским экономистом и общественным деятелем А.П. Шиповым — автором нескольких работ по финансовым и денежным вопросам. Он выступал против произвольной бумажно-денежной эмиссии, но доказывал, что количество денег в обращении должно увеличиваться “по требованию развивающейся торговли” [7, 89], и считал неразменную валюту вполне приемлемой формой денег [7, 18—19]. По его мнению, банковская система должна быть централизованной и возглавляться государственным банком.

Избыточную эмиссию А.П. Шипов считал причиной роста им-

порта — повышение внутреннего потребления предопределяет увеличение ввоза иностранных товаров [8, 30]. Такие воззрения называются в современной экономической теории монетарным подходом к платежному балансу. Кроме того, А.П. Шипов отмечал зависимость курса рубля от сальдо платежного баланса [7, 13]. Он также указывал на нецелесообразность изъятия из обращения ранее эмитированных денег, полагая, что дефляция создаст значительные трудности для торговли и промышленности [8, 30]. Взгляды А.П. Шипова на роль платежного баланса в обеспечении покупательной способности бумажных денег были развиты в работах Н.Я. Данилевского, А.А. Красильникова, В.А. Кокорева, Н.А. Шаврова.

Разработка этой проблемы является несомненной заслугой теории бумажных денег. Если представители металлизма полагали, что основной причиной падения покупательной способности денег является их неустойчивость, то Н.Я. Данилевский, напротив, считал, что “...ценность бумажных денег не зависит исключительно от того, соответствует ли их количество внутренней потребности в этих деньгах, а зависит также от хода внешней торговли” [9; 327]. Им в 1867 г. была разработана схема платежного баланса и предложены мероприятия по снижению его дефицита [9; 332, 393]. В условиях чисто бумажного обращения роль платежного баланса в обеспечении устойчивости денег становилась принципиально иной по сравнению с металлическим обращением. Аналогичных взглядов придерживался Н.А. Шавров [10].

А. А. Красильников посвятил две работы анализу вполне практического вопроса: неудачной попытки введения в 1862—1863 гг. размена кредитных билетов на золото. Но практическая направленность исследования не помешала ему сделать важные теоретические выводы. Причем эти выводы основывались как на русском, так и на зарубежном опыте. Они состояли в следующем: 1) невозможно ограничить денежное обращение неизменной суммой бумажных денег; 2) невозможно обеспечить постоянный размен бумажных денег на металл в установленной пропорции; 3) банк, создаваемый с целью

управления смешанной золото-бумажной валютой, неизбежно сталкивается с нехваткой либо металла, либо банкнот в обращении [11, 75].

Напомним, что в 1857 г. в результате значительного увеличения эмиссии для финансирования военных расходов был прекращен обмен кредитных билетов на металл. За годы Крымской войны 1853—1856 гг. было выпущено в обращение кредитных билетов на 424 млн. руб. В 1857 г. в коммерческих банках скопилось почти 150 млн. наличных денег [11, 102—103]. В этих условиях правительство решило осуществить две меры: 1) уменьшить процентную ставку с 4% до 3%; 2) ликвидировать существовавшие кредитные учреждения и заменить эмитированные ими вкладные билеты на новые ценные бумаги. Вкладные билеты выдавались этими кредитными учреждениями при приеме вкладов и служили средствами обращения в крупных сделках.

Е.И. Ламанский объяснял эти меры необходимостью обеспечения устойчивости кредитных учреждений [11, 84]. Однако на деле правительство стремилось за счет таких мер побудить население активно вкладывать деньги в акционерные компании.

Расчеты А.А. Красильникова показали, что в результате ликвидации вкладных билетов совокупная денежная масса уменьшилась с 1 января 1858 г. по 1 января 1861 г. на 42% [11, 104]. В этих условиях резко возрос учетный процент. Проявилась нехватка средств обращения. Кроме того, спрос на деньги увеличился в связи с заменой в ходе крестьянской реформы натуральных повинностей на денежные, а также вследствие роста товарооборота. Как отмечал А.А. Красильников, снижение количества денег в обращении породило промышленный кризис [11, 15].

В этих условиях правительство попыталось ввести с 1 мая 1862 г. обратимость кредитного рубля в золото. Для обеспечения обмена был взят внешний заем в 15 млн. ф. ст. на пополнение золотого запаса. За счет средств казны стали проводиться операции по поддержке вексельного курса.

Обмен кредитных билетов на золото был прекращен уже 1 нояб-

ря 1863 г. За время обратимости рубля чистый вывоз золота из страны составил 82 млн. руб. [11, 1117]. А.А. Красильников видел причину этого явления в отрицательном платежном балансе. Он оперировал именно этим понятием и учитывал негативное для России движение капиталов. Его оппоненты в Министерстве финансов и Государственном банке рассуждали в понятиях торгового баланса и приходили к выводу, что поступления из-за границы должны обязательно покрываться встречными обязательствами.

А.А. Красильников был противником операций Государственного банка по поддержке вексельного курса. Стабилизируя курс, банк создавал препятствия для развития экспорта. А.А. Красильников отмечал, что низкий курс сдерживает импорт и в этом отношении равнозначен пошлине [11, 121].

Но самое главное достоинство исследования А.А. Красильникова — вывод о том, что рост внешней задолженности приводит к дефициту платежного баланса из-за необходимости уплаты процентов и вызывает падение вексельных курсов [11, 139]. В долгосрочной перспективе внешние займы только ухудшают экономическое положение. Это было написано в 1863 г.

О работе А.А. Красильникова С.Ф. Шарапов написал: “Эта превосходная книга была у нас замолчана, как замалчивается обыкновенно все умное, дельное, самобытное” [12, 51].

Наиболее законченную форму теория бумажных денег приобрела в работах С.Ф. Шарапова, опубликованных в 1893—1895 гг. Впрочем, сам этот термин им не использовался. С.Ф. Шарапов выразил свои теоретические взгляды в двух взаимосвязанных концепциях — теории абсолютных денег и теории мнимых капиталов. Основные положения первой из них сводятся к следующему.

1. Утрата золотом денежных функций является неизбежным процессом. Его причины состоят, во-первых, в физической нехватке золота для обеспечения товарооборота; во-вторых, в колебаниях ценности благородного металла; в-третьих, в принципиальной возможности замены благородного металла

бумажными деньгами, представляющими собой “некую постоянную отвлеченную ценность” [12, 18]. “Золото — отжившая рабская и языческая форма денег” [12, 100].

2. Внутренняя ценность бумажного рубля основывается на доверии к государственной власти [12, 29]. Курс бумажного рубля определяется состоянием платежного баланса [12, 35].
3. Увеличение количества денег в обращении должно согласовываться с включением в общественную деятельность ранее неиспользованного труда [12, 44]. Но рост денежных знаков сверх определенных пределов вызывает повышение цен [12, 51]. Увеличение денег приводит к цепному росту доходов населения и, соответственно, к его расходам, стимулируя производство [12, 45]. (Стоит обратить внимание, что в данном случае речь идет о мультипликаторе расходов.)
4. Нехватка денежных знаков в обращении приводит: 1) к росту процентных ставок; 2) к обесценению труда [12, 43]. (Первое из этих положений хорошо осознано современной экономической наукой; второе — нашло подтверждение в России в 90-х годах XX в.)
5. Количество денег в обращении должно соответствовать потребностям в них и обеспечивать стабильность денежной единицы [12, 61]. По С.Ф. Шарапову: “...денежное обращение должно быть эластичным” [12, 55].
6. Регулятором денежного обращения в условиях неразменных бумажных денег является кредитная система. Приток денег во вклады, выдача ссуд и формирование на этой основе нормы процента позволяют судить о степени соответствия денежной массы потребностям товарооборота. “Вся задача денежной системы, основанной на ссудах и вкладах, движущихся автоматически, — писал С.Ф. Шарапов, — заключается в постоянном присутствии в обращении такого количества денежных знаков, которое соответствует нуждам рынка, т.е. размеру совершающихся сделок. Система будет правильно действовать, очевидно,

лишь тогда, когда ее автоматический регулятор будет держать покупательную силу, внутреннюю стоимость рубля, на одном постоянном уровне” [12, 61].

7. Методом регулирования денежного обращения, т.е. уменьшения количества обращающихся знаков, является реализация государственных процентных бумаг [12, 25—26]. (Заметим, операции на открытом рынке с ценными бумагами для регулирования денежного обращения начали проводиться в США только после 1914 г. — года образования ФРС, а операции на открытом рынке Банка Англии в XIX в. состояли в привлечении свободных средств в депозиты.)
8. Денежная политика, в частности, манипулирование процентными ставками, должна активно использоваться для смягчения циклических колебаний экономики [12, 60]. Однако если спрос на ссуды не возрастает даже при низком проценте, следует увеличивать расходы, финансируя строительство за счет государства [12, 60]. Для смягчения циклических колебаний эффективно использовать налоговую систему — повышать налоги на фазах подъема и понижать — при кризисах [12, 97].

Теория мнимых капиталов

С.Ф. Шарапова состоит в допущении использования эмиссионных кредитов в целях стимулирования использования труда как фактора производства. Однако автор оговаривался, что при высокой степени занятости населения такое стимулирование труда становится невозможным. Тем не менее, эта теория — результат незнания такого экономического феномена, как денежный мультипликатор. Использование понятия отвлеченной ценности денежной единицы, безусловно, самое слабое звено в концепции С.Ф. Шарапова. Он не увидел генетической связи между товарными и бумажными деньгами, хотя и солидаризировался с мнением И. Родбертуса-Ягцева о диалектическом характере развития форм денег [12, 99]. Недостаточно четко толкование С.Ф. Шараповым взаимосвязи курса рубля и платежного баланса [12, 35].

В экономике, как и в любой другой области человеческой деятельности, реализация научных идей зависит от достигнутого практикой уровня развития. Разумеется, многие идеи С.Ф. Шарапова были далеки “забеганием” вперед. Но трудно не заметить их удивительное созвучие с доктриной Дж. Кейнса. Как справедливо отмечает современный исследователь М.Ю. Конягин, критика С.Ф. Шараповым реформы 1897—1899 гг. была в значительной степени обоснованной [13, 50—51].

Немецкий номинализм возник намного позже русской теории бумажных денег, но быстро получил широкую известность в научных и политических кругах Европы. Работы его основных теоретиков опубликованы в первом десятилетии XX в. Предшественником номинализма был И. Родбертус-Ягцев, утверждавший, что товарные формы денег в ходе развития экономики должны заменяться нетоварными [14].

Главная заслуга немецкого номинализма состоит в анализе противоречий концепции металлизма. По мнению Г. Кнаппа, эта концепция не выдвигала единой денежной теории. Ее сторонники считали единственно возможным денежное обращение, основанное на золоте. В обращении неразменных бумажных денег они видели нарушение естественного экономического порядка. По их мнению, “при нормальном денежном устройстве единица ценности определена в металле; при выродившемся денежном устройстве, наоборот, единица ценности чисто номинальна” [15, 19]. Рассуждения сторонников золотого обращения неизбежно заканчивались парадоксом: “В благоустроенных государствах платежи производятся посредством передачи металла, в неблагоустроенных же государствах — только номинально, т.е. без передачи металла” [15, 19—20].

По мнению Г. Кнаппа, данное противоречие разрешимо в рамках выдвинутой им государственной теории денег. Согласно этой теории, деньги появляются в результате законотворческой деятельности государства. Платеж в виде определенной меры золотого песка еще не есть платеж деньгами [15, 22]. Но и монета, по Г. Кнаппу, становится деньгами лишь когда

она начинает терять связь с металлом — в результате “порчи” она приобретает принудительный курс, устанавливаемый государственной властью [15, 25]. Деньги — “хартальное (т.е. законом установленное. — Примеч. авт.) платежное средство; лишь хартальность создает деньги” [15, 22].

Г. Кнапп не анализировал деньги как меру стоимости и полностью акцентировал внимание на их функции как средства платежа. В его теории не объясняется соизмеримость товаров. Поэтому остается непонятной трактовка денег как “номинальной единицы ценности”. Причем утверждается, что “при всяком денежном устройстве единица ценности номинальна” [15, 21]. Трактовка денег как продукта правовой деятельности подразумевала отказ от идеи о развитии денег на основе процесса товарообмена.

Ф. Бендиксен разделял основные положения теории Г. Кнаппа, но стремился преодолеть их явные противоречия. В первом издании своей работы в 1908 г. он солидаризировался с утверждением, что “в странах с золотым обращением единица ценности номинальна” [16, 11]. Во втором издании он уточнил, что надо различать единицу ценности и платежное средство. “Ценности хозяйствующих благ образуют сеть отношений, т.е. дроби, приводимые деньгами к одному знаменателю (единице ценности)” [16, 50]. Вместе с тем Ф. Бендиксен считал догматическим представление о том, что “единица ценности” генетически происходит из обращения полноценных, т.е. металлических денег [16, 51].

По мнению Ф. Бендиксена, денежное обращение, основанное на золоте, неоправданно дорого. Но в основу бумажного обращения он предлагал положить учет торговых векселей. Его аргументы полностью повторяли доводы сторонников “доктрины реальных векселей”, хотя, скорее всего, он не был знаком с работами основателей этой концепции. Любопытно, что Ф. Бендиксен критиковал американскую практику денежной эмиссии на основе казначейских обязательств и считал этот факт “доказательством неправильного представления о природе денег в Соединенных Штатах” [16, 42]. В целом Ф. Бендиксену не удалось пре-

одолець противоречия государственной теории денег Г. Кнаппа.

К. Висксель подошел к проблеме золотого обращения с сугубо рациональных позиций. Он проанализировал тенденцию добычи благородного металла и сделал вывод, что объем его производства недостаточен для обеспечения хозяйственного оборота золотыми деньгами. В таких условиях цена золота должна увеличиваться, а цены прочих товаров — падать [17]. В этой связи К. Висксель высказался

за переход к бумажно-денежному обращению. Его устойчивость должна обеспечиваться манипулированием банковскими процентными ставками — их снижением при падении цен и повышением — при росте цен.

В условиях бумажно-денежного обращения, по мысли К. Вискселя, власти должны будут выбирать из двух альтернатив: 1) они могут обеспечить устойчивость своей валюты по отношению к товарам, но в этом случае должны будут по-

жертвовать ее паритетом к другим валютам; 2) они могут поддерживать паритет своей валюты к другим валютам, но в этом случае утратят контроль за ценами. К. Висксель видел решение этой проблемы в координации политики процентных ставок центральными банками путем заключения международных соглашений.

Источники:

1. Лескис В. Кредит и банки. — М.: Перспектива, 1994.
2. Менделеев Д. И. Заветные мысли. — М.: Мысль, 1995.
3. Власенко В. Е. Денежная реформа в России 1895—1898 гг. — Киев: Изд-во Академии Наук УССР, 1949.
4. Мигулин П. П. Реформа денежного обращения в России и последний промышленный кризис (1893—1902). — Харьков: Печатное дело, 1902.
5. Бунге Н.Х. О восстановлении металлического обращения в России. — Киев: Университетская тип., 1877.
6. Федорович Л. В. Теория денежного и кредитного обращения. — Одесса: тип. Одесского Вестника, 1888.
7. Шипов А. П. О средствах к устранению наших экономических и финансовых затруднений. — СПб.: тип Ф. С. Сущинского, 1866.
8. Шипов А. П. Куда и отчего исчезли у нас деньги? — СПб., 1860.
9. Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. — СПб.: тип. брат. Пантелеевых, 1890.
10. Шавров Н. А. О причинах современного финансового состояния России и о средствах улучшения последнего. — СПб.: тип. братьев Шумахер, 1882.
11. Красильников А. А. Объяснение причин успеха Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения. — СПб.: тип. В. Безобразова и Комп., 1882.
12. Шарапов С. Бумажный рубль. — СПб: тип. товарищества “Общественная польза”, 1895.
13. Конягин М. Ю. Воззрения С. Ф. Шарапова на кредитно-финансовую систему России. — М.: Ин-т российской истории РАН (деп. ИНИОН РАН 50564), 1995.
14. Родбертус-Ягецов И. Исследования в области национальной экономики классической древности. — Ярославль, 1887.
15. Кнапп Г. Очерки государственной теории денег. — Одесса: тип. Э. П. Карлик, 1913.
16. Бендиксен Ф. Деньги. — Пг.: Право, 1923.
17. Wiksell K. The Influence of the Rate of Interest on Prices // *Economic Journal*. XVII. 1907.